

Марина Цветаева

То, что было

Марина Ивановна Цветаева
То, что было
Серия «Автобиографическая проза»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175886

Марина Цветаева. Вольный проезд: Азбука-классика; Москва; 2001

ISBN 5-352-00021-4

Аннотация

«Вся моя проза – автобиографическая», – писала Цветаева. И еще: «Поэт в прозе – царь, наконец снявший пурпур, соблаговоливший (или вынужденный) предстать среди нас – человеком». Написанное М.Цветаевой в прозе отмечено печатью лирического переживания большого поэта.

Содержание

I. Волшебный цвет	4
II. Литература	7

Марина Цветаева

То, что было

I. Волшебный цвет

Он был учителем Андрюши, студент в серой тужурке, с добрыми карими глазами, шутившимися от света и смеха. Утром он ходил в университет, после обеда учил Андрюшу Закону Божьему, русскому и арифметике, вечером был наш. Т. е. это так говорилось, а по-настоящему он был только Асин. Когда она за обедом поднимала свое вечное и-и-и-и, – а это случалось сначала за супом, потом за вторым, – после долгих няниных уверений, что от супа растут, а от котлеты хорошеют, после маминого стояния на коленях у ее креслица, после папиного финального:

“Иль съешь или вон из-за стола!”, стоило ему только шепнуть ей несколько слов на ухо, как она бралась за ложку и молча глотала все требовавшееся.

Для него она пожелала сняться. – “Мама, он уедет и увезет меня с собой!” В фотографии она положила одну ногу на другую, улыбнулась и сидела неподвижно даже после того, как фотограф любезно пригласил ее сойти с места. Когда ей на Рождество подарили куклу, она назвала ее Аркашей, хотя слишком русский костюм скорее напоминал полотера.

По вечерам он рассказывал нам сказки, – конечно не нам, а только ей. – “Знаешь эдак, Асенька...” (он немного заикался) “...жила, эдак, одна старушка, эдак. И вот приплыла она к лежанке... Не старушка, эдак, а старик еще один был. Вышел он утром к морю, эдак, ты понимаешь? Смотрит – в сетях, эдак, старушка, то бишь рыбка... Ты понимаешь?”

– Да! – твердо отвечала она.

– И вот, эдак, зажили они втроем. Смотрит старичок – опять разбитое корыто, а в нем, эдак, старушка...

Я ясно чувствовала, что здесь что-то не то. Когда мама читала нам о старичке, старушке и рыбке, выходило гораздо понятнее. Во-первых, рыбка была не простая, а золотая, во-вторых, случались разные вещи, о которых Аркадий Александрович совсем не упоминал, в-третьих, все кончалось не так скоро.

Но Асе его сказка нравилась больше маминой, – ведь рассказывал он. Когда мы гуляли на бульваре, Ася первая замечала его в группе студентов на скамейке у памятника Пушкину.

Ни нянины просьбы, ни мое ворчанье не помогали. Приходилось бросать лопатки, снежные домики, брать ее за руку и мчаться с ней что есть духу к заветной скамейке.

– А-а, это ты, Асенька? Гуляешь, эдак? Да, хорошо... А это мои товарищи... – смущенно бормотал Аркадий Александрович, потирая красные руки без перчаток. Ася сидела у него на коленях и считала:

– Раз, два, четыре... Когда я вырасту... Пять и три... Тогда мы с тобой... Раз и два...

Студенты, не понимая, смеялись. Аркадий Александрович смеялся и понимал, – Ася высчитывала по пальцам, сколько лет ему еще ждать свадьбы с ней.

Однажды утром к нам в комнату бомбой влетела наша немецкая бонна. – Забрали, забрали! Verloren! Grosser Gott! Er jung!¹. Что видит теперь из ней? Нищасни маладой шила-век! Нагрубил профессор! Ах, мой Бог! Ни рыба ни мяс!

Мы поняли только последнее: Аркадий Александрович ни рыба, ни мясо. Но чего же тут такого ужасного?

Ася тем не менее затянула свое и-и-и, сначала тихо, потом все громче, безудержнее, безутешнее...

Не пришлось ей проститься с Аркадием Александровичем. Он был выслан из Москвы. Много времени спустя мама застала ее за странным занятием: она собирала на коленях пыль по углам и нежно целовала. На вопрос: “Да что с тобой?” сквозь внезапные и-и-и с трудом можно было понять: “Как тужурка... тоже серая!”

Ей тогда было 4,5 года.

---

¹ Потерян! Великий Боже! Он молод! (нем.)

II. Литература

А когда Онегин потом пришел к Татьяне, она была уже замужем и не могла его любить. “Но я другому отдана и буду век ему верна...” А раньше его она любила, а он ее нет.

Я подхожу к зеркалу. Лицо круглое и какое-то глупое. Нет, совсем не похожа на Татьяну, скорей на Ольгу. Но Ольга скучная.

– Муся, обедать!

Но ведь Татьяна тоже была сначала маленькой. Может быть... может быть, она тоже сначала была такая? Она любила книги, я тоже люблю книги. Она не любила играть, я тоже не люблю играть. Совсем я не похожа на Ольгу! Очень нужно брать Ольгу, пусть Ася ее берет! Я решительно не хочу ее.

– Муся, обедать!

Все уже сидят за столом. Мое место рядом с мамой. Он как раз напротив меня, между Лёрой и Альфонсинкой.

– Мама, можно мне сесть рядом с Александром Павловичем?

– А зачем?

– Так!

– Ну, иди. Только совершенно не понимаю, зачем это тебе понадобилось.

Мы меняемся с Лёрой местами.

За обедом всегда говорят о чем-то непонятном. Папа рас-

сказывает о филологах и юристах. Нам лучше нравятся филологи. Раз вечером мы видели одного юриста, – он был в желтом костюме, говорил очень громко, рассказывал папе свою жизнь, потом писал ее, потом попросил денег, а когда уходил, свалился с лестницы и сказал, что это часто с ним бывает.

Слава Богу, что Александр Павлович не юрист. Он – филолог, папа тоже филолог. Подали третье. Опять blanc-manger². Нам его всегда дают в сочельник, когда мы обедаем наверху в детской, и мы его выкидываем в форточку. Но ведь сегодня не сочельник! Ася плаксиво морщится, Андрюша льет воду в тарелку, я грустно прошу маму позволения не есть.

– Что с тобой, Мусенька? – удивляется Александр Павлович.

– Так, что-то есть не хочется! – безнадежно отвечаю я. Пусть он думает, что от любви к нему (я ничего еще не сказала, но он же должен понять!).

А может быть, правда от любви! Когда очень сильно кого-нибудь любишь, – это рассказывала нам Альфонсинка, – то никогда ничего не ешь. Одна барышня даже умерла, и он плакал на ее могиле и приносил ей незабудки. Потом он тоже умер.

Обед кончен, и мы наверху.

– M-elle Alphoncine, j'ai besoin d'йcrire une lettre!

---

² Бланманже – род желе из сливок, сахара и желатина (фр.).

– А qui?

– Donnez moi je Vous prie du papier.³

Она вынула розовую бумажку. Я пишу, она глядит мне через плечо. Письмо не ладится. Во-первых, я начала: “Дорогой Онегин!” А вдруг он не поймет, что это ему? Во-вторых, я не знаю, как писать: “терпение”. Альфонсинка тоже не знает.

– Oh, je sais ce que nous allons faire. J’ai une très jolie lettre d’amour, tu n’as qu’à la traduire.⁴

Сказано – сделано. “Alexandre, que c'est mal...”⁵ Я перевожу: “Александр, какой ты гадкий” – “de trahis ainsi la confiance...”⁶ “...что выдаешь так доверие...”

Как хорошо писать с французского! Все так торжественно, такие трудные умные слова!

Только почему на ты? Альфонсинка утешает меня, что это всегда так делается. Письмо готово. Но как передать его? Альфонсинка не хочет, – вдруг мама увидит! Андрюша терпеть не может Александра Павловича и нарочно не передаст, Лёра ушла, – Ася!

– Ася, а я тебе подарила вчера фартук для Аркаши, – помнишь?

---

³ – Милая Альфонсина, мне нужно написать письмо!– Кому?– Дайте мне, пожалуйста, бумагу (фр.).

⁴ О, я знаю, что мы будем делать. У меня есть очень маленькое любовное послание, только ты должна его перевести (фр.).

⁵ “Александр, как это плохо...” (фр.).

⁶ “Таким образом обмануть доверие...” (фр.).

– Аркаша фартуков не носит. Он мальчик!

Молчание.

– Ася: хочешь моего прошлогоднего червяка в яичке, белого?

– А что я тебе дам?

– Ничего, я тебе его так подарю!

Ася уничтожающе смотрит на меня.

Я смущаюсь: Только ты одну вещь отнесешь Александру) Павловичу, хорошо?

– А он целый?

– Да, я тебе еще яичко дам!

– Еще зеленый карандаш дай, тогда я пойду...

Зеленый карандаш! Ни у кого нет зеленого... Да, но синий с желтым ведь зеленый.

– Бери!

Мы три раза стукаемся лбом, и Ася летит к Алекс<андру> Павловичу, крича на весь дом: “Вам Муся письмо написала! Вам Муся письмо прислала!”

Проснувшись на другой день, я сразу почувствовала, что сделала какую-то глупость. А вдруг он за завтраком прочтет его вслух? Папа непременно выгонит меня из-за стола. Уроки я готовила невнимательно, на рояле играла еще хуже, – мой учитель Василий Иванович и мама никак не могли понять, что со мной случилось. Наконец пробило двенадцать. Зовут завтракать. А может быть, не пойти совсем? Прочтут без меня. Но все равно придется идти обедать. А может быть,

и обедать не идти? Тогда он принесет мне незабудки. Попросить его не читать? Но поздно: я уже за столом.

Разговор идет о Лёриной подруге Раечке Оболенской.

– Терпеть не могу этого типа курсистки! – говорит мама. – Ни женственности, ни такта...

Лёра молчит и смотрит в тарелку. Сейчас она встанет из-за стола и начнется скандал.

– Раечка – прекрасное существа – вдруг начинает А<лександр> П<авлович>. – Непосредственное, живое, искреннее...

Почему мне так неприятно слушать это? Я очень люблю Раечку, но...

– Несмотря на ее манеры, она мне нравится... – продолжает Александр) П<авлович>.

– Раечка Оболенская совсем не прекрасное существо! – вдруг заявляю я.

– Тебя не спрашивают! – говорит папа.

– Маме она не нравится, и мне она тоже не нравится.

– Муся! – мама поражена. Алекс<андр> Павлович улыбается и переглядывается с мамой.

– Когда я кончу курс, я женюсь на Раечке и увезу ее в Екатеринбург.

– А я поеду за вами.

– А мы поедем рано утром, когда ты будешь спать...

– А я не буду спать!

– Я увезу ее к себе на Урал! – Алекс<андр> Павлович ра-

достно хохочет, и желтая бородака его трясется, а глаза делаются, как щелки.

– Я отравлю ее! – тут я бросаю вилку и открываю рот во всю.

– А тебя сошлют в Сибирь!

– А я убегу, я убью, я ее, я вас, я, я...

Начинается ужасный крик. Папа сердится на маму, – “это все книги!” – мама на Альфонсинку, Лёра на А<лександра> П<авловича>, – зачем меня дразнит, Андрюша страшно доволен и потихоньку дергает Асю за ногу, Ася сует под стол противные бобы...

Я вылетаю из-за стола и бегу наверх. На постели я плачу, уткнувшись лицом в подушку. Стучат. Пусть стучат! Дверь на крючке. Еще раз...

– Мусенька, я мириться пришел, отопри мне! “Это Лёра его подослала”, – соображаю я, все еще плача, и не открываю. Вскоре пришла Альфонсинка и начала меня утешать.

– Это потому, что ты еще маленькая! – говорила она по-франц<узски>. – Будешь большая, все переменится. Не надо обращать внимание на молодых людей, надо быть холодной ко всем.

– Да, но Татьяна вовсе не была холодной ко всем, она тоже первая написала, – возражала я. Но Альфонсинка не знала Татьяны.

Утешившись немного, я принялась за новое письмо, на этот раз уже не перевод. Тут были и угрозы, и просьбы, и

упреки, но больше всего восклицательных знаков. Ася, в обмен на оловянную птичку, согласилась передать и это письмо.

После ужина, прошедшего очень тихо, я получила его обратно с подчеркнутыми красным карандашом ошибками.

Было над чем задуматься. Зачем подчеркивать ошибки? Ведь это же не диктант. Разве Онегин подчеркивал ошибки в Татьянинном письме? Разве Онегин был влюблен в Раечку? Разве он хотел ее увезти на Урал? Разве он учился в университете? Разве у него была желтая бородка? Разве...

Да разве я-то похожа на Татьяну?

Когда Альфонсинка вечером подошла к моей постели, я сказала, что больше не люблю Алекс<андра> Павловича.

– Конечно, не стоит! – сказала она, – я совсем не понимала, что тебе в нем нравится. Такой худой и к тому же... *gurutiteur*⁷. Я бы на твоём месте взяла кого-нибудь из знакомых твоего отца. Но у тебя много времени впереди, ведь тебе только семь лет...

– Я совсем никого не возьму! – твердо ответила я.

<1911—1912?>

---

⁷ Репетитор (фр.).